

В. Д. Сухоруков

**Общежитие донских казаков
в XVII-XVIII столетиях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Д. Сухоруков**
Общежитие донских казаков в XVII-XVIII столетиях / В. Д. Сухоруков – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 98 с.

ISBN 978-5-458-52301-1

Данный труд содержит описание обрядов, традиций, образа жизни и быта казаков в 17 и 18 веках.

ISBN 978-5-458-52301-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

догадокъ Разладъ этотъ, какъ полагаютъ, былъ причиной долговременныхъ несчастій, всюду преслѣдовавшихъ Сухорукова.

Въ 1825 году В Д Сухоруковъ былъ прикомандированъ къ Свиты Его Величества генераль-маюру Богдановичу, завѣдывавшему межевыми работами на Дону, для окончанія историческаго и статистическаго описанія земли войска Донскаго, и выѣхалъ въ Новочеркасскъ Въ 1827 г. надъ нимъ разразилась неожиданная бѣда: изъ поручиковъ гвардіи его переименовали въ сотники и, по распоряженію высшаго начальства, командировали на Кавказъ. Немедленно сдалъ Сухоруковъ всѣ хранившіеся у него историческіе и статистическіе материалы и уѣхалъ съ Дона Съ этого времени жизнь даровитаго историка была рядомъ несчастій На Кавказѣ Василій Дмитріевичъ обратилъ на себя вниманіе корпуснаго генерала Паскевича, но послѣдній ничѣмъ не могъ помочь ему: онъ даже не добился, чтобъ Сухоруковъ былъ повышенъ чиномъ

Въ 1830 году Сухоруковъ былъ командированъ съ Кавказа въ Финляндію, что послѣдовало по распоряженію Чернышева, бывшаго тогда военнымъ министромъ

Въ 1831 году, вслѣдствіе настоятельнаго ходатайства Сухорукова, его уволили на Донъ, но въ августѣ 1834 года онъ вновь командированъ былъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ до 1839 года, а затѣмъ уже уволенъ въ отставку

Въ 1836 году Василій Дмитріевичъ женился въ Пятигорскѣ на дочери статскаго совѣтника Ольгѣ Васильевнѣ Швецовоѣ и имѣлъ отъ этого брака трехъ дочерей

Въ 1839 году, по выходѣ въ отставку, Сухоруковъ возвратился на Донъ, гдѣ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, не служа Еще до отставки, въ 1836 или 1837 году, онъ былъ произведенъ въ есаулы. 13 августа 1841 года Василій Дмитріевичъ скончался, а 15 августа былъ погребенъ на новочеркасскомъ кладбищѣ

Ив. Поповъ.

Общежитіе ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ отечественную войну 1812 года Донское войско показало свѣту свои чувства всѣ казаки, и старцы и юноши, взяли за оружье, подвизались за вѣру и отечество

При первомъ звукѣ военной трубы старши донской воинъ Побѣдинъ, секундъ-майоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ которомъ старшій его сынъ служилъ есауломъ, когда же образовалось ополченіе, самъ старикъ снялъ со стѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ— умереть подъ стѣнами ея или торжествовать побѣду съ братьями

Между тѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ Есауль Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ чрезъ деревню г-жи Б., отбилъ шапку мародеровъ, готовившихся расхитить ея имущество Казаки прогнали неприятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ. есауль

былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными г-жа Б. и признательные поселяне оросили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сей потерѣ подъ Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби.—Дѣти мои умерли, какъ должно русскимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушаться о нихъ. Святая Русь—мать моя, родимыи Донъ—мое семеиство. я еще не сирота Царь призреть старость мою, Господь Богъ ниспошлетъ утѣшеніе

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франци и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами Въ пылу сраженій, въ торжествѣ побѣдъ, онъ помышлялъ единственно объ отечествѣ и не чувствовалъ грусти; но она отозвалась въ душѣ его въ тишинѣ мира —Другіе возвращаются на радость въ дома, а я поѣду поплакать на могилѣ родныхъ, сказалъ онъ, взять отпускъ и полетѣлъ на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семеиственное счастье.

Надъ прахомъ дѣтей своихъ Побѣдинъ нашелъ памятникъ, воздвигнутый г-жею Б Не взирая на твердость старика, грусть, потрясая его душу, раскрыла тѣ раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ по-

стель, искусство медика, при искреннемъ участии г-жи Б, скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастью.

У г-жи Б уже все было готово къ отъѣзду въ Москву, она убѣдила Побѣдина сопутствовать ей, съ тѣмъ, чтобы оттуда не прежде отправиться на свою родину, какъ по совершенномъ выздоровленіи.

Въ домѣ г-жи Б. въ Москвѣ собиралось отличное общество, всѣ, кто къ ней ѣздили, принимали истинное участие въ положеніи Побѣдина. Взирая съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ отечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами объ его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, объ ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Отвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни, его-то рассказы рѣшился я здѣсь представить публикѣ

Рыцарская жизнь казаковъ.

Казаки въ первобытномъ состояніи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую и безпрестанно искали приключеніи или добычи на водахъ и степяхъ Украины Составленные изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменные толпы не знали утонченностей общежитія, жили въ шалахахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVII столѣтїи гражданская жизнь казаковъ приняла видъ образованности, отсюда я начну свой разсказъ Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній донецъ въ занятіяхъ, въ отдыхѣ, въ забавахъ является всегда воиномъ. Во снѣ и на яву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война — его стихія, его радость. Древность наша заключается въ *рыцарской жизни казаковъ*, въ которой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болотами, были разсѣяны небольшія крѣпостцы, единственные ихъ жилища, извѣстныя тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ сихъ го-

родяхъ, гдѣ едва помѣщалось нѣсколько бѣдныхъ избы или землянокъ, казаки, имѣя въ сосѣдствѣ безпокойныхъ враговъ, проводили всю свою жизнь, точно какъ на бивакахъ, не могли поэтому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ, старались только имѣть пріютъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ неприятелей. „Пускай, говорили они, пламя набѣговъ сожжетъ городы наши: черезъ недѣлю заплетемъ новые плетни, набьемъ ихъ землею, покроемъ избы, и городокъ готовъ, скорѣе врагъ устанетъ сожигать наши жилища, нежели мы возобновлять ихъ“.

Казаки рѣдко жилали и въ своихъ городяхъ а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главные городокъ), отсюда расходились уже въ походы (Сначала Раздоры, потомъ Монастырскій и, наконецъ, Черкасскій, одинъ послѣ другого были главными городями. *Сие главное войско* представляло истинный воинскій станъ, въ которомъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ составляли это общество. На казакѣ видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ. ногайское и черкесское сѣдло, крымская или турецкая понона, черкесская епанча, русская пищаль, оправленная по-турецки, и при ней рогъ и вязни, персидская сабля, на поясѣ булатный ножъ съ черенками рыбаго зуба, турецкій сайдакъ (лукъ), ружье, рогатина, — составляли.

богатство и украшеніе тогдашнихъ казаковъ Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вести судъ о какомъ-либо предложеніи отъ русскаго Государя, или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину *круга* жалованное Царемъ *знамя*. *Порочныхъ* или *пенныхъ* въ *кругъ* не пускали, имъ прощали вины при трудномъ какомъ-либо предпріятіи, подѣ условіемъ заслужить дарованную милость храбростію Въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ грамотахъ по городкамъ: „Собирайтесь въ войско всѣ атаманы молодцы, *пенные* и *непенные*; а вины ихъ имъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ“ Или. „И на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня вѣкъ бить и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ“. Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Строгая осторожность наблюдалась въ *главномъ войскѣ*. Кромѣ того, что самый городокъ обнесенъ былъ стѣною, двойная, а иногда тройная цѣпь пикетовъ охраняла станъ; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и протоки, были прикованы цѣпями или затоплены; стада и табуны стереглись на островахъ или между лѣсомъ и болотами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдностію, и однажды, подобно скифамъ, они отвѣчали крымскому хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ притти самъ для опустошенія ихъ жилищъ: „Донскіе казаки угрозъ твоихъ не боятся:

хотя ихъ городки некорыстны, оплетены плетнями и обвѣшены терномъ, но доставать ихъ надлежитъ твердыми головами, стадь же и табуновъ у насъ мало: напрасно забьешься ты въ такую даль“.

Въ *главномъ войскѣ* рѣшались всѣ распоряженія о войнѣ и набѣгахъ, здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Вотъ получена вѣсть, что татары хлынули на разореніе Украины, нѣсколько сотъ отважныхъ наѣздниковъ тотчасъ бросаются на перевозы и броды, засѣдаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ и, выждавъ неприятеля, отмщаютъ ему кровью за раны отечества; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья ногайцевъ; сокрытые отъ провицательныхъ взоровъ неприятеля темнотою ночи или мракомъ суроваго неанастья, они нападали на противниковъ врасплохъ; пользуясь ихъ смятеніемъ, протекали, подобно молнии, улусы мусульманскіе прежде, нежели устрешенный врагъ могъ опомниться, и возвращались въ войско съ табунами татарскихъ коней и прелестными плѣнниками.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доставать вѣстей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или, наконецъ, въ Тавриду. Удальцы рыскали

по степямъ, ища *сакмы* (*) неприятельской, слѣднати враговъ и, настигнувъ, брали плѣнныхъ или быстрымъ нападенемъ, или подкравшись въ темнотѣ ночной къ стану, или воспользовавшись оплошностью огсталыхъ. Когда не было *сакмы*, то наѣздники подбѣгали къ самымъ улусамъ и тутъ различными военными хитростями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ отбивать цѣлыя табуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ этихъ пойскахъ казакъ *шелъ въ траву съ травною равнью* высокій ковыль, кустикъ, пень, деревцо, ямка, заборъ, — все способствовало къ удачѣ всаднику-невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки ставились ни во что: войны и кони умѣли во всемъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка, въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явится понтонъ своего поъроя — нѣсколько пучковъ камыша, плотно связанныхъ на нихъ перевозить онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавъ. Это называлось у казаковъ *переправляться на салазъ* и было перенято отъ азиатцевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человекъ, казакъ бѣзострашно носился по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды, брали карбни, каторги, кояги ту-

(*) *Сакма*, татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ техническимъ, означаетъ лошадиннй сѣдъ на травѣ. Казаки были столь опытные въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ неприятель, куда имѣть направленіе, когда именно прошесть, сегодня, вчера, третьяго дня и т. д.